

ЧАСТЬ 1. ТОЧКА БИФУРКАЦИИ.

«Взгляд, конечно, очень варварский, но верный»

А.С. Пушкин

Картина 1. Мощи.

Окрестности села Михайловского, Псковская область.

16 августа 1998 г.

Разомлевшая от жары собака едва взглянула на паркующийся возле нее респектабельный автомобиль, даже не попытавшись отойти в сторону.

- Вот, сука, - привычно ругнулся водитель и виновато посмотрел в сторону пассажира, - извините, Афанасий Степанович. Кажется, колесо спустило.

Покряхтывая, с заднего сиденья выползло на свет божий видение двух джентльменов, чьи одежды явно диссонировали с окружающей природой. Фраки, надетые ради приема в Смольном вчера вечером, так и не успели вернуться в родное ателье проката, поскольку обстоятельства непреодолимой силы заставили их временных владельцев на ночь глядя сорваться в дальнюю поездку по пушкинским местам. Привычно справив малую нужду, джентльмен, что выглядел годами и чином постарше, приятельски ударил по спине застегивающего ширинку соседа, - Евгений! Добрый мой приятель! Достань бутылочку пивка!

Евгений, молодой человек с одутловатым, нездорового цвета лицом, полез в багажник и вынул саквояж с припасами. – Давайте уж заодно и позавтракаем на свежем воздухе, коль скоро такой казус приключился.

Метрах в пятидесяти от них, по другую сторону дороги местные мужики перегружали с уазика на телегу явно ворованные кирпичи и с любопытством разглядывали редкий в здешних местах шестисотый мерседес. Господ в фраках они приняли за артистов из самодеятельности, бывших частыми гостями в музее-усадьбе Михайловское, и потому нисколько не удивились.

- А вот скажи, Сергеич, доедет это колесо до Москвы, али не доедет, - спросил один из мужиков.

– Я ведь в этих самоходных тележках мало что понимаю, Владимир Владимирович. Ежели ось не переломится на ухабе - доедет, - ответственвал второй. Экипаж знатный. В прежние-то времена таких и не видывали.

- А по мне, нипочем не доедет, - не согласился первый. Пока до трассы доберутся всю подвеску растеряют, не то что колесо.

В свою очередь господ, расположившиеся для завтрака под услужливо расставленным водителем складным навесом, рассматривали с любопытством мужичков.

- Да, погулял здесь славно Александр Сергеевич. Глянь на того слева – вылитый африканец. А баки? Баки - то какие славные отпустил. Ведь мало того, что похож, подлец, так еще и кудри под барина сделал. Интересно, завивает он их что ли? У второго лицо тоже знакомое, не разберу издали. Пойду – сфотографируюсь с ними на память.

- Бросьте, Афанасий Степанович. Народ не стерилен.

- Нельзя, нельзя, о, друг Евгений, отрываться от породившего тебя населения. Потерять корни – утратить крону. Два чувства ведомы лишь нам. В них обретает сердце пищу. Любовь к родному пепелищу. Любовь к отеческим гробам.

- Это не Пушкин.

- А кто?

- Бродский.

- Спасибо, что предупредил. Не лохануться бы перед местным начальством. Здесь, говорят, культ великого поэта. А культ шуток не принимает.

Целью блиц визита наших приятелей был Тригорский монастырь, компактно расположенный на небольшом холме вблизи музея-усадьбы. Именно он приютил в последний раз солнце русской поэзии. Поводом же визита послужил звонок одного из купленных чиновников о якобы согласии Министерства культуры на перенос праха поэта в село Большое Болдино сроком на 49 лет (больше, видит Бог, никак-с) для раскрутки новой туристической Мекки. Маленькое но! С согласия дирекции музея-заповедника в Михайловском. Афанасий Степанович Чуб-Чиков, твердо знавший, что для денег нет границ, моментально оставил фуршет, данный сослуживцами в честь бывшего петербургского, а ныне московского чиновника Владимира Путина,

прибывшего по делам службы на малую Родину, и бросился в дорогу.

– Да успею я еще с вашим москвичем пообщаться, - бросил он в сердцах устроителям фуршета. Об этой фразе Чуб-Чиков жалел всю оставшуюся жизнь.

Спутник его, петербургский юрист Евгений Долбунов, взятый в поездку для оформления сделки, выражал сомнение в ее правоспособности. – Это же не святые мощи, которые можно хоть на сто частей делить, - ныл он. Нет прецедентов на аренду покойника.

- Ты крючоктвор, тебе и думать, - отвечивал Чуб-Чиков. Кстати, мысль. Возьмем только сердце. Это символично. И дешевле. Сердце поэта было навсегда отдано Болдину.

Столь искренняя любовь нашего героя к покойному поэту была связана с недавним приобретением крупных земельных участков вблизи Большого Болдина и деревенских домов непосредственно в поселке. Афанасий Степанович не любил длинных инвестиций. Он предпочитал действовать накоротке. Менее чем через год ожидалось празднование 200-летия великого поэта и весьма влиятельные люди в Москве пролоббировали торжества в обход Михайловского, в пользу не имеющего ни одного артефакта времен болдинской осени ничем не примечательного поселения в N-ской губернии. Перенос праха поэта изрядно повышал капитализацию и ликвидность сделанной инвестиции.

Разговор прервало жужжание пейджера, взятого в качестве средства связи при поездке на дальние расстояния. В столицах Афанасий привычно пользовался сотовой связью, бывшей недоступной для населения в те уже изрядно подзабытые времена. Вглядевшись в подслеповатый экран, Чуб-Чиков прочитал по буквам: Завтра придет Де фолт. Что за хрен? – спросил он сам себя. Срочно приезжай в Москву. Иванов.

«Иванов» был кодовый псевдоним его московского хозяина.

– Жень, ты такого Де фолта не знаешь? Что за птица?

- Француз, наверное. Не связывайтесь. Французы – они жадные, хуже финнов.

- Однако ж, придется ехать. Ну, вот что, Евгений. Возьми вот сто долларов, пойдя – найми тот уазик и ехай, милый, в монастырь за мощами. А я в Москву напрямки рвану – с французом общаться.

Картина 2. ... хуже губернаторского.

Село Большое Болдино N-ской губернии. 6 июня 1999 г.

- Что стоишь, качаясь, тоонкая рябина. Гооловой склоняясь до самого тына... После торжественной церемонии на палящем солнце так приятно сидеть за накрытым столом под навесом и петь вместе с народом что-то, не имеющее отношение к Пушкину. Губернатор Сидор Артемьевич Склянцев*, крепкий, аппаратного вида мужчина обернулся к сидящему рядом московскому гостю, – Да, Афанасий Степанович, жаль. Жаль, что прах нашего великого земляка не попал на родную землю.

- Что поделатъ, питерские все к себе тащут. Помнится еще Петр - Первый слямзил из вверенного Вам региона мощи Александра Невского в Санкт- Петербург. Так и не вернули до сих пор, блокадники. Вам, Сидор Артемьич, надо поближе к Москве держаться. Москва она кормилица. И пожурит по- отечески при необходимости, и деньжат подкинёт. А Питер - это временно. Чеченов попугаем и снова на боковую.

- Вам - то легко говорить. Вы не при исполнении. Мы – губернаторы - товар штучный. Знаете, откуда выражение пошло «положение хуже губернаторского»?

- Я и выражения такого не слыхивал.

- Темный Вы человек, хоть и москвич. Ну, не обижайтесь. Выражение сие вошло в литературный оборот в 19 веке и означало совершеннейшую конфузию. Губернаторами же традиционно называли на конезаводах жеребчиков не голубых кровей. Чтоб кобылка при случке не брыкалась, и драгоценное семя племенного жеребца попало по назначению, сначала на нее напускали «губернатора». После доведения дамы до кондиции, его убирали и запускали «императора». Вот и представьте себе состояние души тех губернаторов, которые не щадя живота своего ублажали женское начало и, не получив удовлетворения, передавали право на оргазм центральной власти. Вот это я Вам скажу аллегория. Я как в литературе про этот случай прочитал, сразу понял свое предназначение, и ни разу потом ему не изменял, отчего и ценят меня в обеих столицах.

* прославился тем, что на инаугурации, отвечая на вопрос журналистки: кому он больше симпатизирует – Клаудии Шифер или Наоми Кембелл, услышав знакомое слово шифер, отвечал: Мы будем работать с обеими фирмами на условиях равно удаленности.

Праздник тем временем подошел к концу. Не знающие русского языка потомки поэта – все как один лощеные европейцы - разбежались под кондиционеры своих авто и, с чувством облегчения от выполненного долга, направились в сторону Москвы. По дороге они кляли своего предка за выбранный им для проживания в степной азиатчине населенный пункт. - Уж лучше быть потомком Блока, - выразил общее мнение один из них. Чиновники рангом повыше откланялись и уехали продолжать веселье в более приватном кругу. В их число запланировано, то есть по звонку из Москвы руководителю протокола, попал и наш герой. Более того, приплатив организаторам шоу прямо на месте, уговорился он ехать в столицу губернии в одном автомобиле с губернатором с тем, чтобы составить приватный разговор на тему, интересующую его московских хозяев.

Темой разговора был перенос столицы России из Москвы на берега Волги. В отличие от провинции, слепо смотрящей в рот тогдашней семибанкирщине, люди умные понимали, что гвардейский переворот уже произошел, и сине-красно-белый шарфик скоро затянется на бычьей шее хозяина Кремля. Питерские чекисты активно расставляли своих людей на ключевые места в аппаратах правительства и президента, а маленький лысоватый полковник уже присягнул на верность семье, привычно скрестив пальцы в кармане пиджака гражданского покроя. Московская чиновничья братия, присягнув новым хозяевам, стала искать альтернативные площадки для приложения имеющихся у нее административных талантов.

Талантливый имиджмейкер Гельминт всегда руководствовался напутствием своего духовного отца доктора Йозефа Хеббельса - «ложь должна быть грандиозной». Он предложил идею новой столицы вдали от перегруженного МКАДа, но ближе к нефтяным и газовым ресурсам Западной Сибири. Место выбрали идеологически выверенное – на берегах великой русской реки Волги вблизи от местоположения мифологического града Китежа, ушедшего, как известно, под воду при виде безбожных моавитян – отряда татарского хана Удэгея. Реализовывать проект был послан наш старый знакомый Афанасий Степанович Чуб-Чиков, в девичестве Павел Иванович Чиков. Столь необычную фамилию приобрел он после женитьбы на девице Елизавете Чуб, а имя - отчество ему подобрал тот же неугомонный Гельминт.

Разумеется, Афанасий Степанович имел в данном проекте и свой интерес. Понимая собственный небольшой в чиновничьем мире вес, он и не надеялся отгрызть от много миллиардного бюджетного пирога в процессе грандиозного строительства и думал получить комиссионные сразу по завершению переговоров с местной камарильей. Кроме того, будучи натурой поэтической, лелеял он одну бизнес-идею, реализацию

которой полностью брал на себя, не посвящая в нее московских покровителей.

Суть идеи заключалась в строительстве плавучего роддома на базе купленного в лихие до-дефолтные времена списанного американского авианосца времен Второй Мировой Войны. Как известно, по законам США, любой рожденный на территории штатов младенец автоматически становится их гражданином. Российским подданным приходилось в целях получения вожделенного гражданства для своих отпрысков проникать всеми правдами и неправдами на территорию американского континента, а бдительная иммиграционная служба отсекала беременных гражданок еще на стадии получения визы. Вездесущий Гельминт нашел лазейку в законодательстве, позволяющую рожать на морских и авиационных судах, являющихся неотъемлемой территорией Америки. Дело было за малым – через компанию, зарегистрированную на территории Соединенных штатов на имя гражданина США купить судно, переоборудовать его и поставить у причальной стенки Москва – реки с последующим приемом рожениц.

Захват питерской группировкой столицы путал все карты, и купленный загодя авианосец требовалось куда бы то ни было пристроить. Вот об этих материях и шел откровенный разговор в губернаторском авто под коньячок и легкую закуску из автомобильного бара.

Картина 3. Великий князь.

Уездный город N., 200... г.

Заранее предупреждаю пытливого читателя, не пытайтесь вычислить местонахождение реального города, ставшего прототипом своего литературного двойника, царственно раскинувшегося в месте слияния великих русских рек Оки и Волги. Слишком живы еще воспоминания и часть людей, принимавших непосредственное участие в описываемых событиях, отзвуки которых периодически слышны и поныне. Не все еще покинули места заключения, и не все еще добрались до земли обетованной, спасаясь от гнева фараона. Однако, пепел Клааса стучит в мое сердце, заставляя фиксировать на бумаге дела минувших дней в назидание потомкам работников правоохранительных органов.

Итак, уездный, но претендующий на статус губернского и третьей столицы Владимирско-Суздальского княжества город N готовился стать новой столицей России. Или хотя бы ее пригородом. Однако, имелась проблема. Будучи заложен* Великим Князем в качестве оборонительного от мордвы и черемисов сооружения на крутом берегу Волги, стал он заложником своего местоположения в современное нам время.

Некуда было ему развиваться и строиться.

Его промышленные кварталы, расположенные вдоль Оки уже дотягивались до ближайшего Подмосковья, а вдоль Волги все свободные, не подтопляемые паводком места, были застроены.

Разумеется, фабрики можно было закрыть, а людей уморить с голоду, но все требовало времени. Хотя за последние 15 лет смертность в городе стабильно превышала рождаемость в два раза, приток населения с близлежащих территорий, живущих еще хуже, не прекращался, и это очень тревожило местные власти.

*Когда делегация западных банкиров на совещании у губернатора по поводу выделения синдицированного кредита робко спросила про залог, то получила царственный ответ: город заложен Великим Князем в 13 веке и перезаклад его не предполагается.

Соседи, прослышав про проект переноса столицы, стали активно навещать Москву, возвращаясь оттуда с заметно похudevшими кейсами. Вечный конкурент - губернский город К - только что справивший за федеральные деньги свое тысячелетие во второй раз (первый был еще при Советской власти, но потом порешили считать это событие нелегитимным) весьма недвусмысленно указывал на технологическую отсталость и неразвитость территории города N. Подняли голову города С и даже Я. Сразу вспомнились обиды гражданской войны, когда ни один из городов не смог удержать поезд с золотым запасом царского Госбанка, ушедшего в последствие к японским милитаристам.

Более того, события времен похода Иоанна Грозного на Казань были вытащены из учебников истории на страницы губернских газет. В лесах зашевелились черемисы. Отдельные, наиболее впечатлительные граждане видели в отдалении отряды монголо-татар в мохнатых шапках на низкорослых конях. В общем надо было что – то делать.

Время, описываемое нами, было временем торжества православной идеи и, с учетом местной специфики, идеи просвещенного ислама. Бывшие преподаватели научного коммунизма, ставшие первыми и наиболее последовательными адептами традиционных вероучений пали жертвами более активных лидеров комсомола, перехвативших инициативу у старших товарищей. Повсюду слышался колокольный звон и крики муэдзина. Из уст в уста передавалась трогательная история московского олигарха, передавшего в дар церкви много миллионов долларов. После совершения им акта дарения произошли печальные события. Сначала взорвали его авто, затем ушла от него жена, а конкуренты отняли половину бизнеса. Опечаленный олигарх обратился к князям церкви с предьявой и получил достойный ответ. – Ты, сын божий, жертвуешь на церковь, а за такими людьми следит дьявол и преследует их. Заплакал олигарх, что раньше его не предупредили, и за свои же деньги получил он себе горе. Ушел олигарх в керженецкие леса и до сих пор живет там в согласии с природой. Говорят, что принял язычество марийского толка.

Будучи центром встречи двух титульных конфессий гордился город N своим положением и всегда ставил его в пример побратиму – уездному городу И, что в государстве Израиль. Дескать, не можете вы, евреи, с палестинцами в мире жить, а мы не то, что с мусульманами, мы даже с православными на одной территории уживаемся. И приводил в качестве доказательства государство хазарейское, коему и стольный Киев-град дань платил.

Так в столкновении мнений и под чутким руководством политолога Гельминта постепенно выкристаллизовывалась идеология новой столицы государства Российского. Рядом с местом погребения православного града Китежа следовало возвести башню вавилонскую такой высоты, чтобы ни у кого сомнения не возникло в могуществе населяющих ее народов. Все российское Правительство должно было поместиться в той башне.

- Ну и рядом маленькая синагога, - добавлял про себя местный раввин.

– И плавучий роддом, - улыбался во сне Афанасий Степанович.

Прибыв в очередной раз в город N спустя ряд лет после описанных выше событий, подивился он смене облика губернатора. То есть губернатор остался тот же и звали его по- прежнему Сидор Артемьевич Склянцев, но был это совершенно иной человек. То есть стать и аппаратное прошлое остались, но стал он и выше ростом и шире в плечах, а волжское оканье сменилось московским аканьем. Впрочем, встретил он московского гостя все также радушно, называя его, правда, не Чуб-Чиковым, а каким- то Де Велопером. Памятуя свой давнишний конфуз с Де Фолтом Афанасий Степанович не перечил. О правилах игры договорились быстро, благо оба были из одного круга, и язык жестов и недомолвок был понятен обоим. Оставалось определиться с конкретным местом. С этой целью после губернаторского звонка был нанесен визит к Леониду Метрилову, отвечающему в администрации за архитектуру и градостроительство.

Картина 4. Русский валенок.

Вход в здание департамента развеселил Афанасия Степановича чрезвычайно. Будка охранника была украшена объявлениями. Первое из них гласило: «Областное имущество – вход со двора». Второе: «Депград застройщику рад. Депград застройщику – Друг, Товарищ и Брат».

Пока Чуб-Чиков ждал оформления пропуска, его рука машинально сбегала в карман за ручкой, и он исправил концовку фразы: «кум, племянник и сват».

Директором департамента оказался милейший человек несколько рассеянной внешности, свойственной художественным натурам. Узнав, что гость прямо из Москвы, тут же набросился с требованием рассказать все последние новости московской архитектуры. Удовлетворив, насколько это было возможно, его любопытство и совместно посетовав на столичные новоделы, к коим так равнодушна московская публика, Афанасий Степанович попытался перейти к делу.

- Видите ли, вопрос у меня к Вам несколько конфиденциального свойства. Я уже имел беседу с вашим губернатором и мэром. Весьма достойные люди и досконально разбираются в экономике региона. Они выразили полное понимание моей позиции, которая, в свою очередь, является отражением тех полномочий, которыми наградили меня уполномоченные на то люди в Москве. Мы бы хотели разместить на свободной площадке, желательно с коммуникациями, новую столицу России.

- Ах да, я слышал эту идею, - осклабился Метрилов. Но, сами понимаете, столица это не супермаркет. Основы территориального планирования и зонирования территорий требуют проведения предпроектной работы, а она, в свою очередь, требует определенных затрат.

- Денег хочет, - облегченно вздохнул Чуб-Чиков. – Считайте, что этот вопрос даже не обсуждается и полностью улажен. Давайте посмотрим план города. Мне нужен выход к воде, причальная стенка, площадка под строительство 200 – этажного дома. И без обременений, пожалуйста.

- Таких площадок давно нет, - опечалился Метрилов. Могу предложить только промзоны.

- В промзонах пусть живут кобзоны. Давайте посмотрим близлежащие окрестности. Вот у вас пустое место.

- Да что Вы. Это аэропорт, потому и не нанесен на карту. Если к воде ближе, то единственное место на той стороне Волги. Одно «но»...

- Я же сказал, деньги не проблема.

- Нет, речь не об этом. Там строить нельзя. Зона подтопления. Низкий берег. Плюс слабые грунты, ну там пльвуны, карсты и прочее. Только малоэтажное строительство. К тому же МЧС не разрешит. Вверх по Волге плотина ГЭС и, если ее прорвет, снесет все к чертовой матери.

Последний аргумент донельзя воодушевил Афанасия Степановича.

- Плотина? Плотина – это то, что нужно. Смоет, говорите. Это хорошо. Беру не глядя. Помните у Петра Первого « на берегу пустынных волн мной будет город заложен». Это же символично. Петр, значит, смог, а мы не потянем?

- А мост? - слабо пискнул Метрилов.

- Что мост? Мост нам не мешает.

- Я не к тому. Там вообще нет моста.

- Это не проблема. Скажите, есть ли у вас в городе метро?

- Кажется, есть.

- Значит, будем строить метромост, переходящий в скоростную железную дорогу. Чиновник, проживающий в Москве должен за два - три часа попадать непосредственно на работу в новую столицу. По дороге он уже должен работать. Следовательно, каждому министерству свой вагон в каждом поезде. Поезда уходят через каждые 15 минут. Скажите, в вашей области что-нибудь было «впервые»?

- Мы – родина русского валенка.

- Вот и славно. Станете первыми носителями идеи передачи части столичных функций скоростному поезду.

Разговор явно клеился. Метрилов имел в тех болотистых местах загородный дом, доставшийся от родителей, и идея строительства моста с возможным отчуждением земельного участка для государственных нужд весьма одушевила его. – Надо еще земли прикупить,- подумал он одновременно с мыслью о цене выкупа.

Следует заметить, что земельный вопрос был поднят в городе N на самый высокий уровень. При губернаторе был создан земельный совет, носящий для маскировки название «инновационного», и каждый участок земли под застройку больше размеров захоронения подлежал его одобрению. Сия функция была своевременно отобрана у местных муниципалитетов, и догадливый застройщик с этих пор носил взятки уже в два адреса.

Губернатора же с недавних пор мучили изжога и амбиции. Он видел себя Давидом Строителем и мэром Москвы одновременно. Спешно возводились жилые кварталы и торговые центры. Поскольку граждане не имели денег, чтобы купить недвижимость, банкам было велено сих граждан кредитовать. Поскольку граждане все равно не имели денег, чтобы отдать кредиты, все квартиры со временем доставались банкам. Банки выдавали новые кредиты, чтобы избавиться от этих квартир, но они упорно возвращались обратно. Квартирный вопрос стал кошмаром для банкиров. Для обозначения данного вида психического расстройства был даже придуман специальный термин – ипотека, что в переводе с греческого означало синдром приобретенного замкнутого пространства.

Вот для этого совета и было велено Афанасию Степановичу подготовить необходимые документы. Получив от Метрилова карту местности с нанесенными границами запрашиваемого участка и предполагаемого мостового перехода через Волгу, покинул он гостеприимный департамент и перешел в соседнее здание.

Картина 5. Циркуль.

Департамент инноваций отличался от склонного к художественной расхлябанности депграда деловитостью и функциональностью. Повсюду мчались курьеры, дублируя электронные письма. Перекуры в мужском туалете напоминали отдых бойцов между танковыми атаками. Сделав две-три затяжки в кулак, мужчины в пиджаках и украинских косоворотках разбегались по рабочим местам как мальки, вспугнутые хищной рыбой.

Хищником, держащим в страхе разношерстное стадо, оказался начальник департамента – широкоплечий, со стальными глазами и волевым подбородком молодой человек. Звали его Арнольд Ризеншнауцер. Приветливо улыбнувшись принятому губернатором (эти встречи тщательно отслеживались департаментами) чиновнику из Москвы, он пригласил того к столу безо всякой, впрочем, тени чинопочитания.

- О, брат, - подумал про себя Чуб-Чиков, - да ты не простая штучка. И завел разговор про московскую погоду, плавно перейдя на существующую только в его воображении недавнюю рыбалку с рядом высоких особ, упоминая в основном имена-отчества.

Имена-отчества были собеседнику хорошо знакомы, поддерживать светскую беседу он явно умел и даже пытался перейти на французский, чем изрядно оконфузил московского гостя.

Обнюхавшись и признав равенство статусов друг против друга, перешли к сути вопроса.

- Столицу построить это тебе не супермаркет замастрячить, - задумчиво начал Ризеншнауцер.

- Где –то я это уже слышал, - улыбнулся Афанасий Степанович и быстро добавил, характерно потерев пальцы, - Инновации не проблема, есть решение на самом высоком уровне.

- Скажите, Вы знакомы с концепцией развития нашей области на ближайшие двадцать лет?

Чуб-Чикову пришлось согласиться, что знаком.

– Так вот, милейший, запрашиваемая Вами площадка занята. Концепция предполагает строительство на ее территории выносимого за пределы Москвы Черкизовского рынка. Директор департамента оживился и с пафосом продолжил изложение своей любимой идеи. – Мы мост, соединяющий Европу и Азию.

Если взять циркуль*, раздвинуть его побольше, и поставить в центр нашего города, то проведенная окружность сможет дотянуться до границ Евросоюза.

Мы станем центром международной торговли, оазисом на великом шелковом пути, базаром на пути из варяг в греки. Через несколько лет, не имея торговой подпитки, Москва захиреет и превратится в Южное Бутово. Столичная функция сама упадет к нам в руки, ибо, где Черкизово – там и столица.

- Красиво чешет,- с некоторым уважением подумал Афанасий Степанович и тот час же добавил, - Ни в коей мере не противуречу вашему замыслу. Ваш рынок будет снабжать мою башню свежими овощами и спецодеждой. Все инновации предполагаются на основе частного – государственного партнерства. После постройки башня будет сдана государству в аренду на 49 лет под столицу. Федералы подведут нам электроэнергию и тепло, построят скоростную железную дорогу и мост через Волгу. Ежели проект не удастся, всегда есть возможность приоткрыть кран на плотине. Ни одна счетная палата не догадается.

Директор департамента благосклонно кивал, не проявляя, впрочем, своего интереса. – Мы, когда про рынок думали, тоже вариант плотины в уме держали.

Чуб-Чиков продолжил. - Здесь ведь есть еще одна фенечка. И он посвятил собеседника в идею плавучего роддома, предложив участие в деле от местной бизнес-элиты за 10 процентов. Сговорившись на двадцати пяти, выпили за успех мероприятия коньячку, и тут Ризеншнауцер вспомнил про обременения.

– В тех местах колхоз был. Его один местный купил, Хватков фамилия. Помещичье хозяйство организовал, первое в области. Будем развивать полезный опыт, и транслировать его на Россию. Любопытный, я Вам скажу, тип. С ним придется договориться о выделе земельного участка, иначе совет не пройдем.

*Говорят, что местные чиновники преподнесли супруге губернатора на день ангела циркуль, увенчанный двумя головами супруга, смотрящими в противоположные стороны. Циркуль имел разной длины ножки. На короткой значилось «Европа», на длинной «Япония». Циркуль не работал, но, будучи воткнут в карту, выглядел внушительно.

Картина 6. Крепость на Волге.

Перебравшись на пароме через Волгу, черный мерседес, сопровождаемый милицейской машиной с мигалкой и сиреной, призванный произвести впечатление на новоявленного помещика и заранее сбить цену на землю, помчался в сторону бескрайних заливных полей и болот, обильно покрывавших низинный берег. Асфальт, впрочем, скоро закончился. Пошли дубравы да перелески, ямы да рытвины. Вот, наконец, показался и помещичий дом. Окаймленный по краям системой прудов с плавающими лебедями, обильно украшенный балконами и шпилями в псевдо - цыганском стиле, возвышался он над окружающей его природой крепостью средневекового румынского феодала. Сходство дополнял трехметровый бетонный забор, огородивший территорию в два десятка гектар. Впрочем, натянутая поверху колючая проволока и стоящие по углам сторожевые вышки наводили на мысль и о сходстве с лагерем смерти.

- А Вы правы, - сказал, выслушав приветствие гостя и комплимент дому, широкоплечий, в пеньковой бороде хозяин. Местные его так и зовут – Майданек. Я их тут секу на конюшне. Вообще, официальное название: усадебное хозяйство «Мой домик». Чем могу служить? Машина сопровождения его нисколько не обескуражила, и Чуб-Чиков понял, что разговор предстоит нелегкий. Стал спрашивать о видах на урожай, но получил неожиданный ответ.

- Да, какой на хрен урожай. Здесь отродясь ничего не росло. Охота да рыбалка. Овес только на потраву сеем.

- Медведя приваживаете?

- Больше для души. Крестьяне сеют, а мы топчем. О конь.

- Не ропщут?

- Куда там. У меня же крепостное право. Я с каждым контракт заключил на год. Они в соседней деревне живут, работы нет, у меня барщину отрабатывают. Себе на прокорм овес сеют, а я топчу. За все про все по пятьсот долларов с души в месяц обходится.

- Они Вам платят? Тогда это уже оброк получается, а не барщина.

- Извольте смеяться? Я же сказал – контракт, по старинному, крепость. Я их закрепостил, по контракту и плачу. Плюс бонус в конце года – тем, кто доживет. Прошлый год под рождество гости приезжали. Так по- пьянке всю деревню спалили. Я, как протрезвел, на площадь вышел,

упал в ноги. Простите, говорю, ребяташки. Объявляю вам Юрьев день. Идите с Богом, хреновый я помещик. Представляете, ни один не ушел. Жили в землянках, пока я новую деревню не построил, и все, как один, потом контракт перезаключили.

Немало подивившись такой форме крепостного права, Афанасий Степанович перешел к делу. Выпрашивал он по сходной цене двести гектар под строительство башни, упирая в основном на местный административный ресурс и «решение в Москве уже принято».

Хватков долго не колебался. – Пойдем, друг, выпьем, да медведя подразним. Он у меня славный, прошлый месяц одному руку отгрыз, паршивец. А земля не проблема. Присылай юриста. Пусть с моим адвокатом решает. У меня этой земли - прорва. Хочешь, крепостных на стройку дам. Или концлагерь построим, холокост чувашей организуем. В смысле - фейерверк. Пойдем, брат, выпьем...

Цену, впрочем, заломил вполне рыночную. Памятуя, что платить не ему, Афанасий Степанович предварительно согласился, оговорив свой процент.

Подъезжая снова к Волге, уже в состоянии легкого подпития, обнаружил он некое волнение среди людей, ожидающих переправы. Увидевшие черный мерседес, следующий от дома Хваткова, люди старательно, но неумело принялись ломить шапки и кланяться.

- Понятно. Входит в условия контракта, – догадался Чуб-Чиков и, выйдя из автомобиля, приветливо рыгнул, - Что за дела, мужички? Аль привидение увидели?

- Утопленник всплыл, барин, - угрюмо сообщил чернобородый мужчина, одетый в армяк и баранью шапку.* Кажись, Федька Умойсягрязью. Третий день, как на рыбалку пошел и пропал.

Разглядев на воде непонятное пятно, Афанасий Петрович решил поддержать светскую беседу, - А может, баба?

- Нет, Ваша светлость, точно мужик. Мужик как тонет, так потом завсегда брюхом всплывает. А бабы - те задом. Такая у них конституция.

* бывший преподаватель истории в местной школе.

Подивившись народной наблюдательности, Чуб-Чиков повелительным жестом разогнал собравшихся, сел в мерседес и приказал водителю, - Трогай.

- Ну, залетные, - присвистнул тот и лихо рванул с места.

- Эх, тройка! Птица - тройка. Куда несешься ты? Когда превратилась в шестерку с двумя нулями? Нет ответа.*

Целью следующего визита заезжего гостя, отпустившего за ненужность машину сопровождения, являлся держатель общака местной синагоги Соломон Банкер.

*Непонятно как попавшая в текст фраза.

Картина 7. Шинок.

Афанасий Петрович прекрасно знал, кто истинный хозяин города и, договорившись с властью светской, перешел к диалогу с властью, имевшей, в отличие от государевой, стабильное финансирование и неограниченное влияние.

Соломон Банкер жил по заветам предков. Будучи обладателем N – го состояния держал он шинок на заводской окраине города, где и проживал в грязной комнатенке позади питейного зала. Любимым развлечением его было спаивание православных с выдачей ссуд под залог личного имущества и небывало высокие проценты. Не то чтобы это было ему нужно – доход его состоял от сдачи в аренду торговых помещений в центре города – но для поддержания формы и в назидание детям.

Нравилось ему также устраивать локальные еврейские погромы. Это уже для укрощения соплеменников, периодически пытающихся не платить в общак, и увиливающих от похода в синагогу.

Предки Соломона жили в здешних местах уже более ста пятидесяти лет. В свое время легендарный Мойша Банкер попал решением кагала в рекруты. Это была самая неудачная его инвестиция, но видит Яхве, как глубоко видел человек.

Забрили его из местечка под Могилевом в 1830 году в рамках национального проекта «привлечения жидов к созидательному труду». Поскольку через 25 лет службы в кантонистах, а потом николаевских солдатах, еврейские кагалы таких людей обратно не принимали (солдат ест, что дадут, а давали в числе прочего сало), Правительство встало перед трудной проблемой. Черту оседлости никто не отменял, и требовалось найти место компактного поселения военных пенсионеров в Великороссии.

Так был выбран город N., и предки легендарного Мойши автоматически, еще до революции, получили гражданские права. За следующие сто пятьдесят лет они окончательно прибрали экономику региона к своим рукам. Достаточно заметить, что среди потомков Мойши фигурировали и Яков Свердлов и Генрих Ягода.*

* исторические личности, не очень приятные. Тем не менее, не путать со звездами шоу-бизнеса.

Перекрестив лоб и поплевав через левое плечо, московский гость глубоко вздохнул и нырнул через низкую скрипучую дверь в липкую темноту полуподвала. Хаванагила, - сказал он, вспомнив пароль, выданный ему в Москве.

- Хай живе, - прозвучал ответ, и оба собеседника облегченно вздохнули. Свои.

Взглянув на сморщенное, как печеное яблоко, лицо хозяина шинка, Афанасий Степанович ударил себя кулаком по лбу. - Семен! Банкин! Ядрена шишка! Не узнал? Это же я! Пашка Чиков! Оказалось, они старинные знакомые по учебе в пединституте и даже когда-то дружились.

Выпили по стопке, вспомнили общих московских товарищей и студенческие кутежи.

- Как же ты соломоном стать не побоялся? – спрашивал гость.

- Так наши же в городе, - отвечивал хозяин. – Рынок, опять же. Что, решил за ум взяться? Большое дело, я слышал, затеял. Ты зачем немца в проект роддома запустил? Так, брат, дела не делаются. Крути руль обратно. Река, куда будешь авианосец ставить, все равно за нами. Так что 40 процентов. Плюс, мы будем клиентуру местную подгонять.

- А плотину тоже вы контролируете?

- Нет, опечалился Банкер, - Там питерские москвичи мазь держат. Маша Коробочка, в девичестве Боксер, мать ее, за кран отвечает. Что, сразу будешь смывать следы преступления, или подуркуешь пару лет на федеральные деньги?

- Это уж как доведется, - уклончиво отвечал Афанасий Степанович, - Я так и не понял, даешь добро на развитие территории?

- Да не оскудеет рука дающего, да не дрогнет рука берущего. В синагогу как зайдешь – там слева ящик стоит для подаяний. Векселя Сбербанка сроком «по предъявлению» с бланковым индоссаментом. Не мни, там щель широкая. Номинал – 600 тысяч каждый. Количество должно соответствовать номеру твоего мерседеса – пойму, что это ты. Чернуху не лепи, бодяжных лавок не подсовывай – тогда, считай, договорились. В администрацию можешь больше не ходить, все команды пройдут, всех построят. Ну что, выпьем за новую столицу государства российского?

- За то, - торжественно добавил гость, радуясь нулю в начале номера автомобиля, - чтобы наши дневные иллюзии не перерастали в ночные поллюции.

Выпив и ударившись в воспоминания, Банкер вспомнил историю из восьмидесятых годов. Тогда в Узбекистане под московские деньги целый город построили, на бумаге, понятное дело. В Москву только отчеты посылали. Были люди в наше время, не чета нынешним. Ведь Советская власть в силе была. И КГБ. При этих словах Соломон поежился.

- Когда узнали, что комиссия едет, целое землетрясение организовали, стерли город с лица земли. И еще денег попросили – на ликвидацию последствий стихийного бедствия.*

Тепло попрощавшись с товарищем и окончательно решив, что дело в шляпе, Афанасий Степанович покинул гостеприимный шинок, прыгнул в мерседес и дал команду двигаться на Москву. Однако ж, не тут - то было.

*Никаких намеков на историю с Саяно-Шушенской ГЭС!

Картина 8. Присяга.

Проезжая окольными путями на московскую трассу, увидел он траурную процессию, вытянувшуюся вдоль дороги.

- Богатые похороны, - отметил про себя. Велел остановиться, высунулся из окна, почтительно приподнял шляпу, которую не снимал даже сидя в автомобиле. Кого хоронят, добрые люди?

- Городского прокурора, - был ему ответ.

- Видимо, хороший был человек, коль столько народу набралось?

- Да, почитай, единственный честный чиновник во всем городе.

- Что, и взяток не брал?

Вопрос повис в воздухе, поскольку пути авто и процессии разошлись.

– Надо же, как бывает, - пригорюнился Афанасий Степанович, - Вот так трудишься денно и ночно на благо отечества. А конец один.... И велел ехать дальше, думая по дороге, хорошая или плохая примета – встретить мертвого прокурора.

Примета оказалась плохой. Аккурат в начале московской трассы, где двух-полосное движение плавно переходило в четырех-полосное, аккурат за секунду до того, как велел он водителю включить мигалку, собираясь долететь до столицы с ветерком, прижали его к обочине два джипа с тонированными стеклами и «ментовскими» номерами. Оборвалось все в душе г-на Чуб-Чикова, ибо решил он, что попал в лапы незаметного полковника.

Все, однако, оказалось и обыденнее и обиднее. Будучи пересаженным в джип, оказался он соседом неопрятно одетой и дурно пахнущей (нефтью? газом?) неопределенных лет женщины.

- Мария, - застенчиво произнесла она и подала для рукопожатия ладонь, свернутую в лодочку. Мария Коробочка. Уж, извините, что так, без стука. Знаем, знаем, что спешите, и что дела неотложные тоже знаем. И про вексель все знаем, и про роддом на авианосце. Вот только подъездом вы ошиблись, милый друг. Наш ящик в синагоге не слева, а справа.

- Да нет проблем, - в душе Афанасия Степановича мелькнул слабый проблеск надежды. Мы готовы и слева, и справа. Или два раза справа.

- Поздно пить боржоми. Вопрос решен в Питере. Московские здесь уже не играют. Уполномочена заявить, что предложенная Вам территория будет затоплена в процессе поднятия уровня лежащего ниже 4-го водохранилища. Энергетика, cher ami, основа всего. Экономика задыхается, Вы газеты читаете?

На Афанасия Степановича было жалко смотреть. Еще никогда его не унижали так явно. Единственным утешением было то обстоятельство, что бить московского гостя не собирались. Попытался было откланяться, но властный окрик остановил его.

- Стойте! Вы мне нужны! Афанасий Степанович! Помогите родить американского гражданина – и я Ваш добрый друг. Ниже по Волге у меня есть прекрасный затон – ваш авианосец завсегда поместится. Будьте моим! Я следила за вами все эти дни. Те люди с кем Вы общались ничтожества. Вам нужна только я. Только я и партия власти. Согласны? Если да, то говорите присягу.

- За веру, царя и отечество, - привычно забормотал Чуб-Чиков заученный текст, произносимый не раз им ранее, - не пощадим живота своего, не посрамим славу отцов наших и дедов наших. Присягаю стольному граду Мо..., тьфу, Санкт-Петербургу. Трижды аминь.

- Ну, вот и славно. Кстати не забудьте вступительный взнос в правый ящичек. У раввина получите удостоверение члена партии «единая и неделимая». А про новую столицу забудьте. У нас теперь одна столица – славный град Петра.

- И Владимира, - добавил про себя Афанасий Степанович.

Картина 9. Улетная.

Уже ночью, подъезжая к МКАДу и отделавшись от неприятных воспоминаний прошлого дня, наш герой обрел способность к анализу. Он понял, где и когда попал впросак. Не сей час – это мелочи, любая сделка восстанавливается, пусть и в другом обличье. Тогда, тогда в далеком теперь уже 98 году, за день до дефолта, который оказался никаким не французом, а чистокровным русаком, выбирая между солнцем русской поэзии и маленьким полковником, сделал он неправильную ставку.

– Эх, Александр Сергеевич, сукин ты сын. Не зря, не зря Дантес на тебя дулся. В голову сами по себе пришли незабываемые пушкинские строфы: - Прощай немытая Россия. Страна рабов, страна господ. И вы - мундиры голубые. И ты - покорный им народ.

Ударил в плечо водителю. – Гони, Селифан, по окружной в Шереметьево -2. И замер на заднем сиденье, крепко сжимая в руке заграничный паспорт с открытой шенгенской визой. Требовательно зазвонил сотовый. Чуб-Чиков посмотрел на дисплей, подумал какое-то время и решительным жестом выбросил телефон в приоткрытое окно.

Мчался, мчался по окружной московской трассе черный автомобиль, озаряемый огнями придорожных фонарей, выл надрывно сиреной и устало крутил никому не нужной мигалкой. Позади оставалась страшная и непонятная страна, отгороженная от него глухим голубым забором с фотографическим плакатом во всю стену. Старый, угрюмого вида человек с накинутым на шею шарфом цветов государственного флага жал руку невысокому, лысоватому блондину. Снизу шла надпись: «Об одном прошу – берегите Россию».

Куда несешься ты? Нет ответа.

Глава 2. СОЛО БАН И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ

Картина 1. ... маслом.
Окрестности поселка Красная Поляна.

Группа немолодых, полных телом людей неуклюже спускалась на лыжах по горному склону в сторону подъемника. Силантий Матвейч, - окликнул один из них управляющего делами Президента, следующего на снегоходе в обратном направлении. Сколь нам еще мучаться?

- Пока на крыло не встанете, Сидор Артемьевич. Президент с Батькой последний раз спускаются. И на обед. Вы, кстати, тоже приглашены, так что поторапливайтесь.

Охнув, названный Сидором Артемьевичем поставил лыжи прямо и полетел стрелой вертикально вниз. Набрав скорость, совершил он стремительный кульбит и, тяжело поднявшись в воздух, обрушился на снежный склон всей своей массой.

Четвертью часа позже, поднимаясь на кресельном подъемнике совместно со своим инструктором, спросил того, - Скажи, мил человек, отчего это – падал на копчик, а болит голова?

- К нам уважаемый, со всей страны приезжают люди – геморрой лечить. Одно падение и геморрой уже возле горла. Оттого голова и побаливает. Потом год не беспокоит. Ни голова, ни жопа. Слово «жопа» инструктор произнес с придыханием, свойственным врачам-проктологам и артистам балета.

Горнолыжный курорт «Красная Поляна», что возле города Сочи, был в январе 2010 года переполнен отдыхающими. Мировой финансовый кризис бушевал где-то в стороне, а здесь... Мягкий субтропический снег тихим шепотом ложился на склоны горы, заботливо подготовленные газовой корпорацией к приему высоких гостей. Отраченные трассы были украшены новыми кресельными подъемниками, снеговыми пушками и фонарями для вечернего и ночного катания. Горнолыжная мода захлестнула чиновничий мир. Ведь где, как ни здесь, можно неформально пообщаться с Президентом и Премьер-министром, оплотом и основой суверенной тандемократии.

Покидая подъемник, проехал Сидор Артемьевич мимо человека, лицо которого показалось на миг ему знакомо, и кивнул – на всякий случай. Проигнорировав поклон, человек тот нетерпеливо пробормотал про себя, - Ну, где же он?

Звали человека Афанасий Степанович Чубчиков, и ждал он Президента России, которого доселе видел только по телевизору. Читателя, незнакомого с этим персонажем, мы отсылаем к «истории города Китежа», происшедшей пару лет назад в уездном городе N.

Попав, после известных приключений, в вынужденную эмиграцию, наш герой не стал уподобляться господам Герцену, Березовскому и примкнувшему к ним Чичваркину, то есть не осел в городе Лондоне и не стал изображать из себя мученика в глазах западной демократии.

Будучи прагматиком с недостаточной ликвидностью в кармане, он совершил вояж по Европам, не будем скрывать, некоторым образом заметая следы, и приземлился в столице современной Белоруси – городе Минске, где и обрел нового покровителя. Для знающих степень остроты ума и некоторой проницательности нашего героя не вызывает удивление и имя покровителя, коим стал действующий президент Александр Григорьевич Лукашенко. Одновременно, из фамилии его пропал дефис и стал он из отпрыска дворянского рода Чуб-Чикова вполне себе демократичным Чубчиковым.

Имея связи в Москве, сумел Афанасий Степанович стать полезным посредником в переговорах по газу и другим энергоносителям, сумел наладить их ре-экспорт на Запад и сколотил на том изрядный капиталец, большая часть которого уходила, правда, в поддержании на плаву того самого списанного американского авианосца, который пытался наш герой приспособить под плавучий роддом в первой части повествования. Пройдя ремонт на Гданьской судовой верфи, этот мастодонт в настоящее время шел на буксире в Южную Корею, чтобы стать основой тамошнего парка развлечений.

Вот, наконец, и Президент, продолжая оживленно разговаривать с вислоусым батькой, спрыгнул с подъемника и покатился в сопровождении охраны в сторону кафе. Не медля ни секунды, Чубчиков рванул следом. – Ляксандр Грыгорыч, - окрикнул он покровителя и через минуту уже был без лишних церемоний допущен к столу.

Целью такого сложного маневра было составление разговора двух лидеров на тему, требующую модератора, а именно, воссоздание под скромным названием «таможенного союза» былой, пусть и урезанной в границах и ресурсах, империи.

Разумеется, сразу выявилось несколько претендентов на высший пост, и по заданию батьки Афанасий Степанович лоббировал его кандидатуру в кругах московского бомонда.

Оставалось заручиться поддержкой «прызидента российского» в обмен на обещание того же поста, но через шесть лет. За бортом сделки оставались нынешний премьер-министр - маленький лысоватый полковник, и НурСултан - нойон Синеи Орды, ну да сделок без издержек не бывает.

Модератором наш герой был отменным, и за сорок минут ланча базовое соглашение в устной форме было достигнуто. Команде Президента достались в будущем дуумвирате блоки экономический и внешней политики, команде батяки – сельское хозяйство и аграрный туризм. Все бы ничего, да на исходе разговора дверь в кафе неожиданно распахнулась, и на пороге появилась спортивно сложенная фигура Премьер-министра. Картина маслом, как говаривал герой культового сериала.

- Привет заговорщикам, весело крикнул он вместо приветствия. Сидите, сидите. Вам еще долго сидеть придется.

- Ну и шутки у Вас, Владимир Владимирович. Так и заикой можно стать. Батяка пожал протянутую руку, ничем не выказывая секундной растерянности от неожиданного появления.

- Да вы то мне все особо не нужны, - отмахнулся Премьер. Ваш удел на зеленых трассах свои задницы полировать. Под фонограмму. Вот Вам, молодой человек, - неожиданно обратился он к сорокалетнему Чубчикову, - Вам слабо со мной по черной трассе проехать? Я слышал, Вы отменный горнолыжник.

Чубчиков, до сего момента не имевший возможности быть представленным столь высокопоставленному лицу, почувствовал внезапный жар под мышками и неприятную слабость в паху.

- Сочту за честь, - коротко кивнул, слегка привстав за столом.

Картина 2. Русские гвозди.

Банный комплекс в поселке Красная поляна.

Четыре голых человека стояли друг против друга и попарно опускали лавровые венки на распростертое тело Премьера. Афанасий Степанович, только что завершивший аналогичную процедуру купанием в горной реке, подивился крепости маленького полковника. Будучи на семнадцать лет старше, выглядел тот гораздо крепче своего визави.

– Меня - то вениками, а его – венками, - на мгновение мелькнула ненужная мысль.

Перевербовка нашего героя произошла стремительно. Уже через полчаса после встречи в кафе с премьером он подписывал необходимые документы дрожащими после полета на горных лыжах руками. Изложенный ему в процессе последующей поездки на подъемнике план обустройства России отличался фантастичностью и оттого казался выполнимым. Быть же в команде самого могущественного человека в стране – предел мечтаний любого чиновника, и Чубчиков без колебаний продал и Батьку, и только что налаженный контакт с Президентом.

Выдержав испытание черной трассой, был он допущен в святая святых – банный премьерский комплекс на окраине курортного поселка.

- Вот видите, Афанасий Степанович, - весело сказал Премьер, вдоволь поплескавшись в студеной воде и перевалившись через каменный барьер в бассейн с горячей водой, - Наконец - то Вы попали к приличным людям. А то, судя по анкете, все больше с проходимцами от власти связываетесь. Как там Ваш авианосец поживает?

Все знает, подлец, - тоскливо подумал Чубчиков, отберет самое дорогое, последнее, что осталось. Вслух сказал, - Благодарствуйте, как раз хотел предложить Правительству использовать его в качестве учебной базы Тихоокеанского флота.

- Вот и славно. Не стоит отягощать себя собственностью, когда служишь Государю. Теперь слушайте суть вверяемого Вам поручения...

А поручалось ему ни много, ни мало участие в операции прикрытия наиболее грандиозного за последние семьсот лет переустройства границ Евразии. Речь шла о воссоздании самой рациональной за всю историю человечества империи Чингизидов, состоящей из трех

субъектов федерации: белой, золотой и синей орд.

Подобного рода государственное образование включало бы в себя всю территорию Урала, Сибири и Приморья, Поволжье, а также Китай, и все центральноазиатские страны.

Создание новой империи было обусловлено истощением газовых и нефтяных запасов Западной Сибири и, как следствие, невозможностью энергетического обеспечения не только стран Евросоюза, но и западных областей России, включая Украину, Белоруссию и страны Балтии.

Было решено воспользоваться жадностью европейцев, не подозревающих о степени остроты проблемы, и впарить им города миллиончики вместе с умирающим ЖКХ и деградирующим населением.

Для этого и потребовалась операция прикрытия, то есть серия встреч с мировыми лидерами представителя системной оппозиции режиму, могущему гарантировать добровольный уход Премьера в обмен на создание нового евразийского государства под его руководством. На роль данного представителя и был избран наш герой, жизненный путь которого тщательно отслеживался спецслужбами последние годы.

Не спеша, в Восточную Сибирь перекачивались финансовые и материальные ресурсы, строились нефтепроводы с выходом на Японию и Китай, переводились необходимые в нефтегазовой отрасли специалисты...

- А теперь, Афанасий Степанович, последнее Вам испытание. Русские гвозди. Любимая народная забава в нашей бане.

- Шо це за таке, позвольте полюбопытствовать?

- Правка костей. Создана на основе оригинальной пытки, коей Иван Васильевич бояр подвергал. Не бойтесь. Не умрете. Костоправ опытный – бывший чемпион мира по вольной борьбе. А дополнительная пластика, думаю, не помешает в переговорах с лукавыми византийцами.

Чубчиков покорно направился к пытошному столу.

Картина 3. Кобель садку делает...

Москва. Улус - Мегалополис на окраине Золотой Орды.

Президент шел на работу. Идти на работу ему не хотелось. Как развели, - раздраженно думал он, - Елисейские поля, лужайка у Белого Дома... Все козлы. Нищий народ. Дураки администраторы. Саяно-Шушенская ГЭС. Гельминт. Проклятый Гельминт. Гельминт был его пиар - советником. Вся эта история с Дохлой Лошадью. Нет. Под это я не подписывался.

После возвращения с неудавшегося отдыха в Красной Поляне – там поднялась температура воздуха, и пошел дождь, размывший трассы - Президент перестал верить советникам. Подставляют, суки. Не знают к кому переметнуться и подставляют. Так, на всякий случай. История с Батькой особенно показательна. То - же мне, Ярослав Мудрый. Собиратель земель русских, мать его.

Причины для плохого настроения, безусловно, были. Не служивший в армии молодой юрист стал прекрасным объектом для поднаторевшего в изведении молодых политиков служащих аппарата. То ему подсовывали идею возрождения сельского хозяйства, и он, как полуденный петушок, кукарекал на съезде партии победивших долболобов. То идею энерго эффективных лампочек, навеянную корпорацией Филипс. Но больше всего его смущала и возмущала идея пяти Инь – инновации, инфраструктура, информация, инвестиции, интеллект - подсунутая тем самым пресловутым Гельминтом. Должные оплодотворить Янь – многострадальную Россию, они ни хрена не работали.*

Президент верил в либеральные ценности. Кабинет его украшал портрет Столыпина, хотя сам Петр Аркадьич несказанно удивился бы, узнав, что его почитают за либерала. Частица пепла сгоревшего в буквальном смысле слова Егора Тимуровича Гайдара болталась в ладанке на его груди, не давая забывать о своей великой миссии – ввести Россию в сонм демократии.

Да, да. Такова была воля почившего в бозе экономиста. Он не стал, подобно писателю Симонову развеивать свой пепел над полем первого сражения за свободу.

*У президента в то время еще не было белого айфона, и ему неоткуда было узнать, что Гельминт сознательно перепутал Инь (женское начало) с Ян (мужским началом)

Зачем? Экономически гораздо эффективнее было организовать мелкую расфасовку праха в ладанки с вручением последних главам демократических государств и борцам за идеалы. Так и только так достигается бессмертие. Все мировые лидеры получили бесценный дар на католическое рождество, и никто не осмелился отказаться. Досталось даже Ахмадинежаду и Уго Чавесу, но этим уже со вторичного рынка.

В кабинете Президента ждала секретная сводка о состоянии запасов на газовых месторождениях. Впрочем, в нее можно было и не заглядывать. И без того было ясно, что заполнять трубу скоро будет нечем. Президент вспомнил, как на согласовании своей кандидатуры в госдепе США врал Кондолизе Райс о газе Ямала и шельфов Баренцева моря. Нет, не простят, - думал он, - Как бы шенген не закрыли.

Пробуждая в памяти самодовольные рожи европейских лохов из еврокомиссии не удержался от злорадства. Не понимают, что северный и южный потоки строятся не для снабжения Европы дешевым сибирским газом, а как раз наоборот – для поставок алжирского газа транзитом через Европу на Россию, да так, чтобы оголодавшие соседи не сперли. Скоро, скоро коммунальные проблемы Москвы и Санкт-Петербурга станут головной болью Евросоюза. Это вам не ГДР ассимилировать, сучьи дети.

Да, не думал - не гадал, что придется вместо приятных представительских обязанностей выполнять роль конкурсного управляющего обанкротившейся корпорации. Снова и снова перебирал в памяти вчерашнее заседание Совета Безопасности. Итак, Смоленск и Киев полякам, Псков с Новгородом шведам. «Так что говорить мой государь о Кемска волость» - всплыло в памяти из любимого фильма. Кавказ уйдет под турок – туда ему и дорога, пусть между собой разбираются иноверцы. Ему лично обещали протекторат над Москвой, пусть и в пределах Садового кольца и под контролем Евросоюза. Этакая нано-империя по Чубайсу.

Хватит предаваться унынию, пора заняться делами. Сегодня должна была состояться случка его любимой суки с привезенным из Германии кобелем. Позвал помощника и коротко спросил результат. Результат не обнадеживал. Сука упорно не давала, несмотря на все усилия бригады специалистов.

- Может кобель не хочет? Кобель хочет, - с жаром отвечали ему. - Он и садку делает, но в замок не встает.

Прям как я, - грустно отметил про себя Президент и кивком головы отпустил помощника.

Картина 4. Распутник и императрица.

Пенемюнде. Германия.

Штирлиц идет по коридору. Кто идет? Штирлиц. Куда идет? По коридору.

Блуждая по гулким помещениям бывшей советской, а до того нацисткой военной базы, Чубчиков чувствовал себя разведчиком в тылу врага. Он вспоминал наставления своего наставника в Москве.

Когда германцы получали согласие Александра Освободителя на разгром империи Наполеона Третьего, им обещали Крым. Когда французы под Верденом едва сдерживали бошей, им также обещали Крым. Всем обещайте Крым.

«Дранг нах остен» – вот отныне девиз не только Европы, но и России. Начинается новое великое переселение народов. В обратном направлении.

Земли Европы истощены, реки выпиты. Климат в руках тайных сторонников Горбачева, обещавшего всемирное потепление. Скоро в старой Европе будут жить только туристы и немногочисленный обслуживающий персонал. Вот на этом фоне и надо предлагать Евросоюзу обетованные земли Украины в обмен на содержание двух российских столиц, как части европейского культурного наследства.

Некая фантастичность этой идеи не только не отпугивала московского эмиссара, но, напротив, придавала ему дополнительный кураж. Он сам не любил лощенных европейцев и был готов - с присущим ему артистизмом - продать и насквозь дотационную Москву с вечными пробками и неработающими заводами, и стильный Питер с ноющей интеллигенцией.

Впрочем, до европейской элиты идея доходила туго. Николя Саркози требовал выполнить заветы де Голля о Европе до Урала и не хотел отдавать Германии ни Силезию, ни Данцигский коридор.

Более прагматичная Ангела Меркель довольствовалась одной Украиной и отказывалась от Белоруссии, с ужасом вспоминая рассказы папы о тамошних партизанах.*

*Только начальник германского генерального штаба, не вдаваясь далеко в дискуссии, уже доставал пыльные карты – трехверстки с обозначением русских топонимов на немецком языке и деловито писал диспозицию войскам на передислокацию в до боли знакомые места.

Дабы устранить все разногласия и препятствия, и получить информацию из первых рук, была назначена секретная встреча двух европейских лидеров с эмиссаром из Москвы на старой военной базе, откуда в свое время улетали баллистические ракеты в сторону Лондона.

Подтекст был понятен. Хрен англосаксам что обломится. Фрау шлет вам ФАУ, - сострил Чубчиков, прикладываясь к ручке Ангелы Меркель. Хорошо знающая русский язык госпожа канцлер милостиво улыбнулась.

Для дебюта на мировой авансцене Афанасий Степанович выбрал строгий деловой костюм в полоску, носки под цвет галстука и остался доволен. Его звездный час настал.

Он был красноречив, но деловит. Русские уходят за Волгу и Урал. Мы - щит Европы против китайской экспансии. Вам – континентальным цивилизаторам мы вручаем территории и судьбы наших соотечественников, неразумно поселившихся в мегаполисах. Вся интеллигенция, весь бомонд и гламур отныне ваши, наряду с жилищно-коммунальным хозяйством.

Более того, мы отдаем под контроль Евросоюза всю газотранспортную систему, а также месторождения Ямала и прибрежного шельфа. В обмен на это вы поддерживаете создание евразийской империи на территории, ранее подвластной империи Чингизидов. Наш премьер станет отцом-основателем и первым государем нового образования.

Пограничная река - Волга. За Волгой для нас земли нет. Западнее Волги образуются несколько вассальных государств под протекторатом европейских держав, а также вольный город Тамбов.

Премьер волен забрать с собой все золотовалютные резервы, собаку Кони и автомобиль Нива производства Волжского автозавода. Он оставляет вам президента и весь аппарат для последующей работы на колонизируемой территории в качестве толмачей и руководителей художественной самодеятельности.

Также вам достается региональный президент Кадыров вместе со всеми руководителями северо-кавказских республик, олимпиада в Сочи и подаренный премьеру жеребец - ахалтекинец.

Афанасий Степанович знал по фильму о разведчике, что запоминается последняя фраза, и приберег под конец речи жеребца, а моменты неприятные отнес в начало, произнес их скороговоркою.

- Данное решение окончательное и обжалованию не подлежит. При полном молчании окружающих Чубчиков вышел из бункера, сел в машину и поехал в сторону аэропорта. Завещание Штирлица было исполнено. Без единого выстрела Россия победила в третьей мировой войне.

Президент Франции, сразу после совещания, уехал в Компьенский лес и провел две бессонные ночи в том самом вагоне, где Гитлер принимал капитуляцию Франции, а ранее маршал Фош капитуляцию Германии. После выхода из вагона прозвучал указ о возврате Франции в границы, контролируемые правительством Виши и признании поражения в столетней войне с Англией. Жанна д'Арк была объявлена персоной нон грата. Позднее, вместе со своей любовницей Карлой Бруни, он был повешен за ноги отрядом маки в одной из деревень юга Франции, возле местной церкви.

Распутник, однако.

Совсем иначе повела себя канцлер Германии. Поплавав по женски, она ввела войска в Рейнскую область Франции и польскую Силезию, чешские Судеты и австрийскую Штирию. Ни на Украину, ни, тем более, в Россию она мудро решила не ходить. Портрет канцлера Бисмарка, возвращенный в ее кабинет после столетнего отсутствия, был тщательно отреставрирован.

Императрица, однако.

Картина 5. Афрогрузин.

Перестарался, однако. После возвращения из Германии в Москву Афанасий Степанович получил жесткий нагоняй от Премьера. Надо было втянуть европейцев хотя бы в Молдавию с Галицией. Ну, зачем Вы им Кадырова навязали? Впрочем, и так недурно получилось. Из европейской заварушки им теперь долго не выбраться.

– Когда б знать, что они так напугаются, - оправдывался Чубчиков, - Можно бы и войска из Германии не выводить.

Буквально через несколько дней новоявленный матерый агент, получивший к тому времени оперативный псевдоним «++++» летел в столицу независимой Грузии. Его ждала встреча с претендентом на российский престол по англосаксонской модели – Михаилом Николаевичем Саакашвили.

При подготовке к встрече его куратор в Москве предупреждал. Эти ребята дюже голодные. При этом полное отсутствие генетической памяти, в отличие от Саркози и Меркель. Их передачей территории не напугаешь. Под ребятами он понимал всю шваль, расположенную по границе в качестве санитарного кордона, оберегающего Европу от дикой Московии.

Модератором встречи на этот раз был приглашен Барак Обама. Будучи не менее презираем своим аппаратом, чем российский президент, пользовался он, тем не менее, непререкаемым авторитетом среди мелкой демократической сволочи. Эти обстоятельством и воспользовалась российская сторона, предварительно договорившись с госсекретарем Хиллари Клинтон, которая выискивала любой момент для подставы своего шефа.

В этот раз на Афанасии Степановиче была расшита украинская косоворотка и еврейская кипа. По легенде его представляли сионистские организации Украины, почему и лидер американского народа беспрекословно согласился принять участие в переговорах. Встреча, как все понимали, была в формате «без галстуков» и протоколов.

Прошу понять меня правильно, джентльмены, - начал свою речь московский эмиссар. Премьер уйдет только при наличии жестких гарантий своей безопасности. Ему достается золотовалютный резерв, ахалтекинский жеребец и региональный президент Кадыров. Вам – Администрация Президента, Ваганьковское кладбище, а также годовой абонемент на рождественские вечера Аллы Пугачевой.

- И Большой Театр, - хищно улыбнулся Саакашвили.
- И Большой Театр, - смиренно согласился Чубчиков, - вместе с Анастасией Волочковой, если я Вас правильно понял.

- Пойдите, пойдите, - вмешался в разговор Барак Обама, - ваш исход за Волгу и Урал нарушит хрупкое европейское равновесие. По прогнозам моих аналитиков в этом случае неизбежна война за Украину между Грузией и Эстонией.

- Не забывайте, что тем самым мы ослабляем позиции Северной Кореи, - незамедлительно парировал его спич московский эмиссар, поднаторевший в искусстве ведения дипломатических переговоров. Да и Ахмадинежаду будет о чем задуматься.

- О! Ви есть гениальный человек, - с жутким бруклинским акцентом сказал Барак Обама. Мистер Путин – новый Тамерлан.

- Чингиз-хан, - поправил его Афанасий Степанович. Мы сами разберемся с людьми, несправедливо занявшими престолы бывших чингизидов. Проблемы Китая, считайте, также не существует. Он войдет в состав империи целиком, кроме Тибета. Тибет должен объединиться с Грузией и Далай-лама станет главой Грузинской автокефальной церкви. Войны за Украину не будет. Эстонии еще лет пятьсот придется переваривать пространство между Балтийским и Белым морями. К тому времени, я думаю, все прибалты уже обрусееют. Кто выживет, разумеется. Впрочем, также как и грузины в период освоения Тимано-печорского угольного бассейна.

- Мы, грузины станем русскими! – вскипел Саакашвили. Никогда! Never more! Господин Президент, - обратился он к Обаме, - я вижу, здесь готовится грандиозная провокация против моего народа и меня лично. Поэтому, я ухожу в отставку и переезжаю в штат Джорджия. Прошу срочно предоставить мне политическое и религиозное убежище. Я бесконечно уважаю далай – ламу и принципы политкорректности... Но, моя мама,,,,,

Так, без крови, согласно заветам старины Гарта, написавшего бессмертную книгу «Стратегия не прямых действий», в которой напрямую предостерегал Запад от бомбежек Москвы и Ленинграда в годы холодной войны, дабы не уничтожить своими руками «пятую колонну», была решена проблема санитарного кордона. Отныне он прочно оборонял территорию России от проникновения голодных европейцев. Перспектива развивать территории Крайнего Севера и

Сибири с потерей собственной идентификации не могла вдохновить местные элиты. Собственно, в этом и состоял план нашего героя. Откланявшись, он покинул гостеприимную Грузию и отбыл обратно в Москву с чувством выполненного перед Родиной долга.

Барак Обама под впечатлением от этой встречи собрал сход индейских племен, где повинулся перед аборигенами и призвал их объявить священный джихад англо-саксонскому меньшинству.

О Михаиле Николаевиче Саакашвили больше никто ничего не слышал. Далай-лама до сих пор живет по месту прописки в Индии и не собирается учить грузинский язык.

Премьер, выслушав доклад своего эмиссара, долго чесал голову. Смех – смехом, а кому-то все равно придется впаривать наши столицы. Иначе не пройдем.

Есть у меня один человечек, - осторожно сказал Афанасий Степанович. Шинок держит в Горьком. Продаст кого угодно. Позвольте я с ним посоветуюсь. Если не удастся продать Родину оптом, будем в розницу. Глядишь, еще и подороже выйдет.

Картина 6. Шинок.

- Да уж, положение – хуже губернаторского. Соломон Банкер откупорил четверть самогона и щедро плеснул содержимое в стакан Афанасию Степановичу. Так вот никто и не берет православные святыни?

- Ни одна сука, - уныло подтвердил его предположение Чубчиков. Питер еще можно голландцам впарить – через Дика Адвоката. Саардамский плотник, Зенит... пенька, деготь. А вот с Москвой полная беда. Даже поляки отказываются, а на что неразборчивый народ. В общем одна надежда – на евреев.

- Это ты мудро заметил. Еврей, он, брат, во всем выгоду найдет, даже в таком неликвиде как столица нашей Родины, - усмехнулся Соломон. Каков, кстати, мой гешефт?

- Продление лицензии, выданной канцелярией Его Императорского Величества Николая Павловича на спаивание православных от 1831 года на момент до возвращения советской власти.

- Ну, это по умолчанию. Что еще?

- Передача в долгосрочную аренду зданий Большого Театра в Москве и Эрмитажа в Питере для организации шинков по месту нахождения. Прижизненное собрание сочинений Максима Горького с автографом автора. Пост Председателя «Союза за освобождение Украины имени Симона Петлюры».

- И урна с прахом Генриха Ягоды, - быстро сказал Банкер, - Я детям обещал. Она в правом углу Мавзолея прикопана.

- Согласен. И все же, если не секрет, что с Москвой делать будете?

- Да, идей то много. Христа Спасителя в синагогу переделаем. Для понта. А так... Да что и раньше делали - деньги. Лет пять продержимся, а там, глядишь, рынок отрасли – сунем каким-нибудь лохам. Может, к тому времени, и вы обратно из-за Волги вылезете. Поможем, профинансируем очередной поход нойонов Чингиза. Дело привычное.

- Но, смотрите, чтобы без обмана. Хазарейский каганат по полной программе.

Отъезжая от обшарпанного здания шинка, Афанасий Степанович подумал с уважением: Вот таракан! Чем другим хуже, тем ему лучше.

Картина 7. Коронация. Двадцать лет спустя.

Каган Великыя Белья и Мвляя Хазарии Соло Бан принимал в столице каганата Мосхе посла Золотой Орды по случаю своего обрезания на царство. Посланник Великого Пути Хана нойон Афа Чуб-Чи вошел в зал в сопровождении послов Синей и Белой орд, вольного города Тамбова и Далай-ламы. По стенам жались представители покоренных каганатом народов – от могучих некогда эстонцев до почти вымерших вайнахов.

Обменявшись восточными любезностями, приступили к обмену подарками.

- Эй, Медвед, - кликнул Каган старшего евнуха, отвечающего за материальное обеспечение праздника, - Открывай.

Толпа дружно охнула. На постаменте стояла ДЕЙСТВУЮЩАЯ модель Саяно-Шушенской ГЭС. Потоки воды крутили маленькие турбины, горели разноцветные лампочки, и ездили по плотине почти настоящие автомобили.

- Такой подарок дорогого стоит, - поклонился посол. Работающим сакральным символом нашей орды видели только старики. Надо сохранять память об ушедшей навсегда великой эпохе электричества.

Он щелкнул пальцами. Слуги внесли встречный подарок и водрузили его на стол. Каган понимающе хищно улыбнулся. Перед ним стояла точная копия деникинского бронепоезда, в 1919 году чуть не дошедшего до Москвы. На борту виднелась надпись «ЕДИНАЯ РОССИЯ».

Каган поставил модель себя на колени и, подрагивая поочередно ляжками, запел древнюю песню на забытом языке: « По кочкам, по кочкам, по маленьким мосточкам. В ямку – бух».

« По кочкам, по кочкам, по маленьким мосточкам. В ямку – бух».

« По кочкам, по кочкам, по маленьким мосточкам. В ямку – бух».

« По кочкам, по кочкам, по маленьким мосточкам. В ямку – бух».

Картина 1. Без головы.

Мчался, мчался по окружной московской трассе черный автомобиль, озаряемый огнями придорожных фонарей, выл надрывно сиреной и устало крутил никому не нужной мигалкой. Позади оставалась страшная и непонятная страна, отгороженная от него глухим голубым забором.

Афанасий Степанович очнулся от навязанного ему сновидения и зябко поежился. – Нет, ну надо – же! Сеня Банкин - Каган московский. Впрочем, сны иногда полезны. Надо не забыть зайти в синагогу за партийным билетом и никаких московских! Отныне только питерские связи.

Спросил у водителя телефон, перезвонил в Белый Дом хозяину, коротко доложил о полученных результатах, получил нагоняй, мысленно оскорбил хозяина действием, успокоился и закурил, обдумывая дальнейший план действий. Надо немедленно встраиваться в вертикаль власти. - Уж лучше быть хвостом у Льва, чем задницей у Сталина, - вспомнились ему вирши ленинградского поэта Бродского.

- Сворачивай, Селифан, с окружной в город. Поедем на Пироговку нервы лечить. Следует сказать, что к тому времени Афанасий Степанович обзавелся персональной палатой в отделении неврологии одной известной медицинской клиники, где периодически проходил курс реабилитации после очередного общения с правоохранительными органами и вышестоящим начальством.

Достал из бара початую бутылку Ballantine's , сделал прямо из горлышка несколько больших глотков и провалился в беспокойный сон...

Коляска, запряженная тройкой лошадей, остановилась у кладбищенских ворот. Ты куда меня привез, - взвизгнул Афанасий Степанович.

- Куды, барин, велели, туды и привез. Нервы лечить. Селифан, почему-то обросший бородой и укутанный в тулуп, старательно прятал от него свое лицо. - Вот и санитар идет.

*Сон разума рождает чудовищ (исп.)

Кладбищенский сторож – а то, что это был именно кладбищенский сторож, легко опознавалось по бейджику на его нагрудном кармане – откинул полог коляски, засыпанный снегом, и просипел: - Выходите, ваше благородие. Какую могилку посетить изволите?

- Ну, могилку, так могилку, - почему-то легко согласился Чуб-Чиков. По маме мы Ганнибалы, по отцу Яновские.

- Ганнибалов не завозили. Яновский есть один, правда без головы. Пойдемте, сударь.

Пройдя рядами советских нуворишей, свернули направо, на старую часть кладбища.

- Здравствуйте, любезный моему сердцу Павел Иванович. Голос принадлежал фигуре, тщательно, с *головой* закутанной в плащ. – Заходите, будьте ласка. Дверца в могильной ограде была приветливо распахнута. – Смотрю, смотрю за Вашими перемещениями. Вот не ожидал, что придуманный мною образ обретет реальную плоть, да еще и начнет куролесить по России.

Афанасий Степанович оглядел себя и, обнаружив на теле фрак брусничного цвета с искрой, был вынужден признаться, - Да, я и есть Павел Иванович Чичиков, вечный жид русской литературы. Знайте, Николай Васильевич, что только благодаря Вам не стал я благородным человеком. Зачем было сжигать второй том? Ведь Костонжогло мог меня на ум наставить, да и способностей моих не отнять.

- Покорнейше прошу простить. Я тогда в совершеннейшей горячке пребывал. Совсем голову потерял от разных мыслей.

- А где сейчас голова Ваша? - брякнул с испуга Павел Иванович.

Так писатель Лидин украл в 31 году прошлого века, когда кости мои переносили с Донского монастыря. Пил вино из моего черепа с соратниками по литературному цеху, надеялся талант приобрести. В этом, кстати, и заключается цель моей встречи с Вами. Как известно немногим, настоящая фамилия Лидина – Гомберг, и череп мой до сих пор пользуют в талмудических целях и сатанинских обрядах.

Зная Вашу изворотливость, прошу помочь его возвращению на место упокоения. Соломон Банкер, чей прадедушка, будучи кантонистом, был знаком с другом моим Александром Сергеевичем Пушкиным по случаю пребывания оного в Нижнем Новгороде, готов оказать посильную помощь в обмен на урну с прахом Генриха Ягоды, о местонахождении

которой вы извещены, и даже, кажется, уполномочены.

- Не извольте беспокоиться, Николай Васильевич. Эта тема как раз для моего амплуа. Вот здесь на столике и найдете. Встречный вопросик позволите?

- Будьте любезны, задавайте.

- Ху из мистер Путин? Об него разбиваются все мои начинания. Как бы третий том не пришлось писать?

- Увы, не по зубам мне этот персонаж. Что-то от Акакия Акакиевича, что – то от майора Ковалева. Собирательный образ. Или, возможно, сказочный герой? Да Вы Александра Сергеевича поспрошайте, он у нас специалист по фольклору.

Петушиный крик разорвал темноту, и какая-то неведомая сила понесла Афанасия Степановича прочь от могильной ограды кладбища Новодевичьего монастыря.

Картина 2. Пушкинские воры.

Афанасий Степанович открыл глаза. – Слава тебе, господи. Привиделось! Знакомая палата неврологического отделения сверкала белизной и уютом. Позвонил в звонок, вызывая медсестру. Спросил коротко начальника отделения и получил ответ, что вследствие раннего утра, тот еще не подошел на рабочее место.

Медсестра аккуратно поставила капельницу, сделала дополнительный укол, и Афанасий Степанович снова провалился в тревожный сон...

Окрестности села Михайловского, 16 августа 1998 г.

Евгений, молодой человек с одутловатым, нездорового цвета лицом, полез в багажник и вынул саквояж с припасами. – Давайте уж заодно и позавтракаем на свежем воздухе, коль скоро такой казус приключился.

Метрах в пятидесяти, по другую сторону дороги местные мужики перегружали с уазика на телегу явно ворованные кирпичи и с любопытством разглядывали редкий в здешних местах шестисотый мерседес.

- А вот скажи, Сергеич, доедет это колесо до Москвы, али не доедет, - спросил один из мужиков.

– Я ведь в этих самоходных тележках мало что понимаю, Владимир Владимирович. Ежели ось не переломится на ухабе - доедет, - ответственвал второй. Экипаж знатный. В прежние-то времена таких и не видывали.

- А по мне, нипочем не доедет, - не согласился первый. Пока до трассы доберутся всю подвеску растеряют, не то что колесо.

- Поглядите-ка на того, что чином да возрастом постарше. Мужик в бакенбардах указал кивком головы на расположившихся под навесом господ артистов. Ну, вылитый Павел Иванович Чичиков. Я его по фракцу брусничного цвета с искрой опознал. Пойду, выпью с ним на брудершафт.

- Бросьте, Александр Сергеевич. Интеллигент вонюч, еще заразу подцепите. Смотрите, молодой к нам идет, то же кажется, Ваш пациент.

- Здорово живете, мужички, - слегка фамильярно обратился к ним подошедший молодой человек в неловко надетом на футболку фраке. – Надо до монастыря прокатиться. Сто баксов, как с куста.

- Соблаговолите деньги вперед. Получив купюру, мужик в бакенбардах с любопытством оглядел ее. – Владимир Владимирович, не посмотрите на предмет *ne pas être dupe**. В наше время такого номинала не было. Не наполеоновский ли фальшак? Что, кстати, любезный друг, Вам надобно в монастыре?

- Мощи забрать и до Питера довести.

- Так ведь нет там мощей. Мощи перед тобой стоят, друг Евгений. Так, кажется, Вас зовут. Евгений Онегин - человек и пароход!

- Ну, Вы уж совсем. Долбунов я.

- Долбунов Вы благодаря экзерсисам делопроизводителя ЗАГСа. Они же плие, батманы и ронды, если Вы понимаете о чем я. Вот, Владимир Владимирович, - обратился он к предыдущему собеседнику, - наплодил я бездельников своим персонажем. Лишние люди, мать их.

- Бандерлоги. Мало того, что бездельники, еще и люди малокультурные. Слышали, Евгений, про дефолт?

- Про француза? Говорят завтра в Москву приезжает.

- Вот-вот, а за ним следом и я. Ждите. Поехали, Александр Сергеевич, будем из ворованного кирпича новое здание российской государственности строить.

- Стойте, а деньги? - восторженно Евгений.

- Ах, да, возьмите. Пригодятся - дефолт праздновать.

Уазик медленно попылил по дороге, из открытого окна доносилась разухабистая песня на два голоса:

Ленинград, Ленинград! Я еще не хочу умирать. У тебя телефонов моих номера. Я еще не хочу умирать.

Опять Бродский, - привычно отметил Долбунов и побрел через дорогу в сторону обладателя брусничного, с искрой фрака.

*не даваться в обман (фр.)

Картина 3. Китеж Downtown.

Хан Удэгей стоял на берегу озера, вслушиваясь в колокольный звон, доносящийся из его глубины.

- Собака, урус. Шайтан тебя заberi. Хлестнул плетью сначала темника, виновато топчущегося рядом, затем коня и погнал того в воду, избивая по дороге взбудораженную копытами тину. Три дня пути по диким лесам, лошадиный падеж, бескормица – все впустую. После кровопролитного взятия Малого Китежа, что на левом берегу Итиля, казалось, что до несметных богатств Большого Китежа рукой подать. И вот, обманули проклятые урусы, вместо сдачи на милость багатуру Бату-хана предпочли на дне озера отсидеться.

Он заставил коня плыть на середину озера и до одури вглядывался в его глубины, пока не обнаружил странного, до смерти напугавшего бывалого воина, зрелища.

Откуда – то снизу от самого дна поднималась вверх запряженная тройкой лошадей, не известной конструкции повозка. На облучке сидел бородатый мужик в тулупе, а сзади почтенный господин во фраке брусничного цвета. Не обращая никакого внимания на обомлевшего монгола, экипаж вынырнул из воды и пошел перебирать копытами и колесами по воздуху. *

Как молнией пораженные летели монголы в обратный путь, постепенно теряя дорогу, лошадей, падая от усталости и засыпая вечным сном среди непроходимой тайги. Лишь один Удэгей смог добраться до жилья, оказавшегося славянским поселением в верховьях реки Керженец.

Там и закончил он свой жизненный путь, будучи посажен неторопливыми мужиками на крепкий осиновый кол. И до последнего мгновения вглядывался багатур в темное небо, пытаясь разгадать загадку этой страшной и непонятной страны.

*Остановился поражённый Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства. Н.В. Гоголь